

От Дайновой-Дикер до Дюпюи, от «библиотеки Толстого» к Дому Руссо и Литературы | De Daïnow-Dicker à Dupuis, de la «bibliothèque de Tolstoï» à la Maison de Rousseau et de la Littérature

Auteur: Татьяна Гирко, [Женева](#) , 14.06.2017.

Сильвиан Дюпюи (© NashaGazeta.ch)

Это история одной женевской семьи, представительница которой стала поэтом и драматургом, а сборник ее театральных пьес недавно был переведен на украинский язык. Прабабушка Сильвиан Дюпюи, покинувшая Российскую империю перед революцией и ставшая в Женеве известным гинекологом, была сестрой прадеда еще одного швейцарского автора, Жюэля Дикера.

|

C'est l'histoire d'une famille genevoise, dont un membre est devenu poète et dramaturge. Son livre de pièces de théâtre vient d'être traduit en ukrainienne. L'arrière-grand-mère de Sylviane Dupuis avait quitté l'Empire russe avant la révolution et est devenue gynécologue reconnue à Genève. Elle était la sœur de l'arrière-grand-père d'un autre auteur suisse, Joël Dicker.

De Daïnow-Dicker à Dupuis, de la «bibliothèque de Tolstoï» à la Maison de Rousseau et de la Littérature

Сильвиан Дюпюи, о сборнике театральных пьес которой, переведенном на украинский язык при поддержке Швейцарского фонда культуры Pro Helvetia, мы недавно [рассказывали](#), преподает литературу на кафедре современного французского языка Женевского университета. С Украиной, как выяснилось, автора связывает не только выход ее книги: семейная история, которой она согласилась поделиться с Нашей Газетой.ch, перенесла нас на целый век назад в Бессарабию и на Полтавщину.

И вот мы устраиваемся поудобнее в кабинете Сильвиан в здании Женевского университета Uni Bastions и начинаем разглядывать старые фотографии, на одной из которых – вся семья ее прабабушки. Писательница не уверена в именах многочисленных родственников, запечатленных на этом снимке, но главные действующие лица нам известны: Нина с мужем Мануэлем, ее младший брат Жак и их отец.

Нина Дайнова - в белом, во втором ряду, слева направо - ее брат Жак Дикер и муж Мануэль Дайнов. Справа в кресле - "патриарх Дикер" (фото из личного архива Сильвиан Дюпюи)

Фото было сделано приблизительно в 1900 году, когда Нина, уже будучи беременной бабушкой Сильвиан, приехала в родительский дом, чтобы представить отцу своего супруга. Оба - и Мануэль, и Нина - родились в Российской империи, в семьях зажиточных земледельцев, но познакомились только в Женеве, куда их привела любовь к медицине. Мануэль Дайнов - уроженец Полтавы, его жена Нина - из деревеньки Левинцы, что в Бессарабии.

Итак, Мануэль Дайнов - прадедушка Сильвиан, а Нина Дайнов, в девичестве Дикер, - ее прабабушка. «Дикер - как Жоэль, молодой писатель?», - переспрашиваем мы, осененные неожиданной догадкой. «Да, мы из одной семьи», - смеется Сильвиан. Вот так поворот! Потомки эмигрантов, обосновавшихся после революции в Женеве, выбрали для себя общую стезю - литературную. Но до того момента, как правнуки возьмут в руки перо, чтобы очаровать франкоязычных читателей, а потом - благодаря переводам - и более широкую аудиторию, пройдет еще целое столетие. А пока вернемся к нашему фото. Справа - отец Нины и Жака, «патриарх Дикер», как называет его Сильвиан.

Жак Дикер приехал в Швейцарию немного позже своей сестры. Здесь он начал изучать право, стал политиком и, как мы теперь уже знаем, родоначальником семьи, из которой происходит [автор романа](#) «Правда о деле Гарри Квеберта», получившего Гонкуровскую премию лицеистов и Гран-при Французской академии в 2012 году.

Его сестра Нина отправилась в город Кальвина в феврале 1897 года с четко поставленной целью – изучать медицину. Девушке исполнился 21 год, когда отец, подыскав подходящую партию, решил выдать ее замуж. Однако занятия медициной привлекали ее куда больше и, пригрозив наложить на себя руки, если «патриарх Дикер» не даст своего согласия, Нина все-таки уехала учиться за рубеж. Выбор пал на Швейцарию не случайно: европейские университеты в то время, как правило, не принимали женщин. Небольшая альпийская страна представляла собой приятное исключение: студенток можно было встретить в Цюрихе и в Женеве (некоторые из них вскоре станут известными математиками, врачами, химиками, биологами). «Кажется, такая возможность была еще в Санкт-Петербурге, но туда ее не взяли», – говорит Сильвиан. Остается Швейцария!

В Женевском университете Нина познакомилась с Мануэлем, который работал здесь над диссертацией, закончив обучение в Париже, а потом в Лозанне. Кстати, он стал первым интерном-иностранцем в женевском госпитале.

В 1906 году исполнилась заветная мечта Нины – она стала гинекологом и начала работать в Женеве по специальности. Практику она не оставит до 80 лет! Несмотря на материальные лишения, с которыми сталкивалась вдали от родины молодая семья, Нина и Мануэль активно поддерживали соотечественников, оказавшихся в Женеве: раз в неделю они бесплатно принимали русских студентов. В 1918 году Мануэль с товарищами организовал «Общество российских граждан в Швейцарии», финансируемое Красным Крестом и другими общественными организациями.

Жили они тогда в Каруже – «маленькой России», как называли этот пригород с еще неотреставрированными домишками жители Женевы. Комнаты без отопления, а иногда и без воды пользовались спросом у бедных студентов, среди которых было немало выходцев из России.

Нина с Мануэлем и их дети: Саня, Лидия и Жорж (фото из личного архива Сильвиан Дюпюи)

Как и многие молодые люди того времени, Мануэль живо интересовался политикой и много думал о будущем Российской империи. В этой картине светлого будущего не было места самодержавию, и позиция Мануэля стала одной из причин его вынужденного изгнания. «Ему было запрещено проживать в России после того, как он написал несколько памфлетов против царя. Возможно, иначе они бы вернулись на родину, закончив учебу», – говорит Сильвиан.

Каруж в то время принял представителей разных политических взглядов, часто споривших друг с другом. Мануэль горячо желал, чтобы в России установилась демократия. «Он принадлежал к анархистам, но не в том смысле, что был сторонником беспорядка. Он был приверженцем анархистской философии, согласно которой каждый должен нести ответственность сам за себя», – объясняет Сильвиан. Нина поддерживала взгляды своего мужа. Молодая пара была вовлечена в политическую деятельность до прихода большевиков к власти, однако после революции Дайновы отдалились от нее. «Уже тогда они разглядели в новом строе ростки тоталитаризма», – считает Сильвиан.

Октябрьская революция окончательно отрезала выходцам из семей зажиточных землевладельцев путь на родину. Тем временем жизнь на новом месте налаживалась – Нина и Мануэль осваивали профессию, в семье родилось трое детей: бабушка

Сильвиан и двое ее братьев. Однако впереди Дайновых ждало новое испытание. В Европе бушевала «испанка», с которой врачам пришлось вплотную столкнуться по долгу службы. Мануэль подхватил вирус и умер в 1922 году.

Много лет спустя – в 1939 году – Нина еще раз вышла замуж. Ее супругом снова стал соотечественник, пневмолог Борис Членов, родившийся в Кременчуге, но к тому времени уже давно живший в Швейцарии и получивший паспорт с белым крестом. Он познакомился с четой Дайновых еще тогда, когда вместе с Мануэлем основал «Общество российских граждан в Швейцарии». Кстати, Борису Членову посвящена статья в «Историческом словаре Швейцарии», где говорится, что в 1893 году он боролся с эпидемией холеры в России. Он также принимал участие в отправке медикаментов и продуктов питания в польские и прибалтийские гетто и концлагеря во время Второй мировой войны, а после ее окончания продолжил свое дело в Швейцарии, проявляя заботу о евреях, которым удалось спастись. В Израиле Борис Членов открыл несколько учреждений для больных туберкулезом.

Сильвиан хорошо помнит свою прабабушку: когда она родилась, той было 80 лет, а дожила Нина до 94-х. «Мы с братом навещали ее каждый четверг», – вспоминает писательница. К 13 годам Сильвиан уже почти окончательно сделала свой выбор в пользу литературы, занималась танцами, но Нина не слишком одобряла увлечения правнучки. «Что это тебе даст? Надо получить профессию, которая послужит на благо людей», – поучала она девочку.

Нина Дайнова (фото из личного архива Сильвиан Дюпюи)

Сама Нина Дайнова была большой ценительницей литературы. Особенно она любила Толстого, под влиянием которого и решила посвятить себя медицине в надежде улучшить жизнь людей. Когда-то она создала в Женеве «библиотеку Толстого», предназначавшуюся для русских студентов. «Но она смотрела на вещи не с точки зрения искусства или слов, ложившихся на бумагу, а с точки зрения действий. Она хотела действовать во благо людей. Поэтому ко всему, что касалось искусства, она относилась с некоторым недоверием», – вспоминает Сильвиан, добавляя, что прабабушка отличалась удивительной щедростью и открытостью к людям.

Бабушка Сильвиан никогда не бывала на родине своих родителей, не посещала Советский Союз и ее мать – не только по той причине, что это было сложно сделать во времена железного занавеса. «Мне кажется, это был в некотором смысле способ порвать с прошлым», – признается Сильвиан. Но об истоках в семье не забывали, как и многие эмигранты, нашедшие в Европе приют после революции. Женевская писательница не говорит по-русски, но вспоминает, что в детстве часто слышала этот язык: на нем говорили ее прабабушка, бабушка и, разумеется, многочисленные друзья, посещавшие дом Дайновых. Помимо соотечественников, Нина была знакома и с выдающимися женевцами, в числе которых знаменитый писатель-путешественник Николя Бувье, приходивший в гости по воскресеньям.

Сильвиан кажется, что она смутно припоминает, как Нина обращалась к ней по-русски: «Это было еще до того, как я начала говорить. Но сегодня, когда я слышу этот язык, меня охватывают, я бы сказала, весьма необычные эмоции», – признается она, добавляя, что считает русский языком своего детства. «Кажется, Анри Труайя [*французский писатель, родившийся в Москве и получивший при рождении имя Лев Тарасов*] однажды сказал, что в детстве русский «впечатался» в его голову. И хотя он на нем не говорил и не понимал его, звучание и, возможно, само восприятие жизни были заложены в нем посредством языка, который он когда-то слышал. Я испытываю похожие ощущения», – продолжает Сильвиан.

Дочь Нины – Лидия Дайнова – открыла в Женеве институт красоты, который быстро завоевал популярность благодаря натуральной продукции. «Моей матери было всего шесть лет, когда Лидия развелась с мужем, и ей пришлось самой зарабатывать себе на жизнь», – говорит Сильвиан. Один из сыновей Нины – Саня – пошел по ее стопам и посвятил себя медицине, а его брат Жорж выбрал право, как дядя Жак Дикер.

Нина Дайнова не успела в полной мере оценить литературный дар правнучки, а вот с бабушкой Сильвиан часто обсуждала интересующую ее тему. «Она много читала, в моей библиотеке сейчас хранятся все ее книги. Она хорошо знала Пьера Жана Жува [*французского поэта, прозаика, эссеиста, переводчика*], который во время войны жил в Женеве. Они переписывались, и у меня сохранилась его книга о Бодлере с автографом автора, посвященным моей бабушке», – говорит писательница.

Сильвиан Дюпюи с Андреем Курковым в Киеве на встрече писателей в 2011 году (фото из личного архива Сильвиан Дюпюи)

Лидия Дайнова не пошла по стопам родителей, занимавшихся медициной, а вот ее дочь – мать Сильвиан – после долгих колебаний все же заинтересовалась детской психиатрией. Наша собеседница, как мы уже знаем, решила не продолжать семейную традицию и посвятила себя литературе. Она не только преподает в Женевском университете и пишет пьесы, но и стала одним из основателей «Дома Руссо и Литературы» (MRL). Идея пришла ей в голову в 2005 году: Сильвиан как раз узнала, что ее прабабушка около века назад создала в Женеве «библиотеку Толстого» для русских студентов. «Может, литература укоренилась в наших семейных генах?» – размышляет она.

Лидия Дайнова, родившаяся в 1901 году, умерла в 1980-м, не дожив, как и ее мать, до падения железного занавеса. Своими ощущениями по поводу распада СССР и социалистического лагеря с нами поделилась Сильвиан: «Это стало для меня настоящим шоком. Прежде я один раз посещала Восточный Берлин с профессором и студентами Женевского университета, а во второй раз – Прагу, уже с моими собственными учениками. Каждое пересечение границы становилось травмирующим событием из-за полицейских, собак, сурового обращения с нами... И вот, внезапно мир открылся с Востока, все старые связи Европы и Швейцарии – вспомните [Сандрара](#), русских студентов в Женеве и в Цюрихе – со странами Восточной Европы и Россией снова стали возможными. Мне было трудно в это поверить. Я сказала себе: «Если бы я знала, что это произойдет при моей жизни, я бы выучила русский!» Вскоре

меня пригласили на конференцию в Румынию, в Клуж, потом в Яссы, и студенты обоих университетов очень живо интересовались моими пьесами, в особенности «Вторым падением», как будто я говорила о них самих, о падении стены и сложности сделать «решающий шаг» к свободе после того, как вы так долго были огорожены стеной, которая внезапно больше не существует. Так «Второе падение», моя первая пьеса, написанная еще до падения стены, обрела новый смысл и в 1994 году была переведена на литовский и поставлена на сцене, в 2005-м – на польский, в 2010-м – на русский (опубликована в Ереване) и в 2016-м – на украинский».

Ее пьесы также были изданы на армянском и польском языках, они шли в театрах Кракова и Шяуляя, а в ближайшее время, возможно, «Падение второе» смогут увидеть и ереванцы (Сильвиан уже дала согласие на постановку). Автор приятно удивлена вниманием, которое привлекают ее работы на территории постсоветского пространства и стран бывшего соцлагеря. «Это просто невероятно, это так неожиданно! Возможно, 10-15 лет спустя мои пьесы воспринимаются по-другому», – размышляет она.

«Для меня литература – это способ достичь восприятия сегодняшнего дня, но более глубокого, чем то, что лежит на поверхности. Понимать, что происходит, на уровне бессознательного. Возможно, это у меня от матери-психолога. Для меня театр – это то место, где можно заставить говорить подсознание», – признается Сильвиан.

И с Михаилом Булгаковым, там же (фото из личного архива Сильвиан Дюпки)

Несколько лет назад женевский автор побывала в Киеве, где на встрече писателей познакомилась с Дмитрием Чистяком и Иваном Рябчим, которые стали инициаторами перевода сборника ее пьес и сами выполнили эту работу. С тех пор Сильвиан связывают с ними прекрасные дружеские отношения. А в тот визит, прогуливаясь по улицам украинской столицы, она обратила внимание на небольшой театр, где как раз ставили [Дюренматта](#). «Я подумала, как было бы чудесно, если бы однажды и мою пьесу сыграли в Киеве!», – смеется Сильвиан, вспоминая сегодня тот эпизод, а может, и знак свыше. Тогда она еще не знала, что у нее появится украинская аудитория, и, возможно, и эта мечта скоро сбудется.

На малой родине своих прабабки и прадеда Сильвиан пока не побывала – не хотелось отправляться туда в качестве обычного туриста, надеялась, что представится случай побывать в тех краях с кем-нибудь из местных. «Но я обязательно туда съезжу», – обещает она. После публикации пьес на украинском языке почти сто лет спустя после того, как Нина собрала чемоданчик и уехала учиться в Швейцарию, ее не покидает ощущение, что круг замкнулся.

[Сильвиан Дюпюи](#)

[швейцарская литература](#)

[литература швейцария](#)

Статьи по теме

[Сильвиан Дюпюи: возвращение к истокам](#)

[Путь на литературный Олимп романдского автора](#)

[Жоэль Дикер – самый продаваемый автор Романдской Швейцарии](#)

[Русские исследовательницы в Женевском университете](#)

Source URL:

<https://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ot-daynovoy-diker-do-dyupyui-ot-biblioteki-tolstogo-k-domu-russo-i>